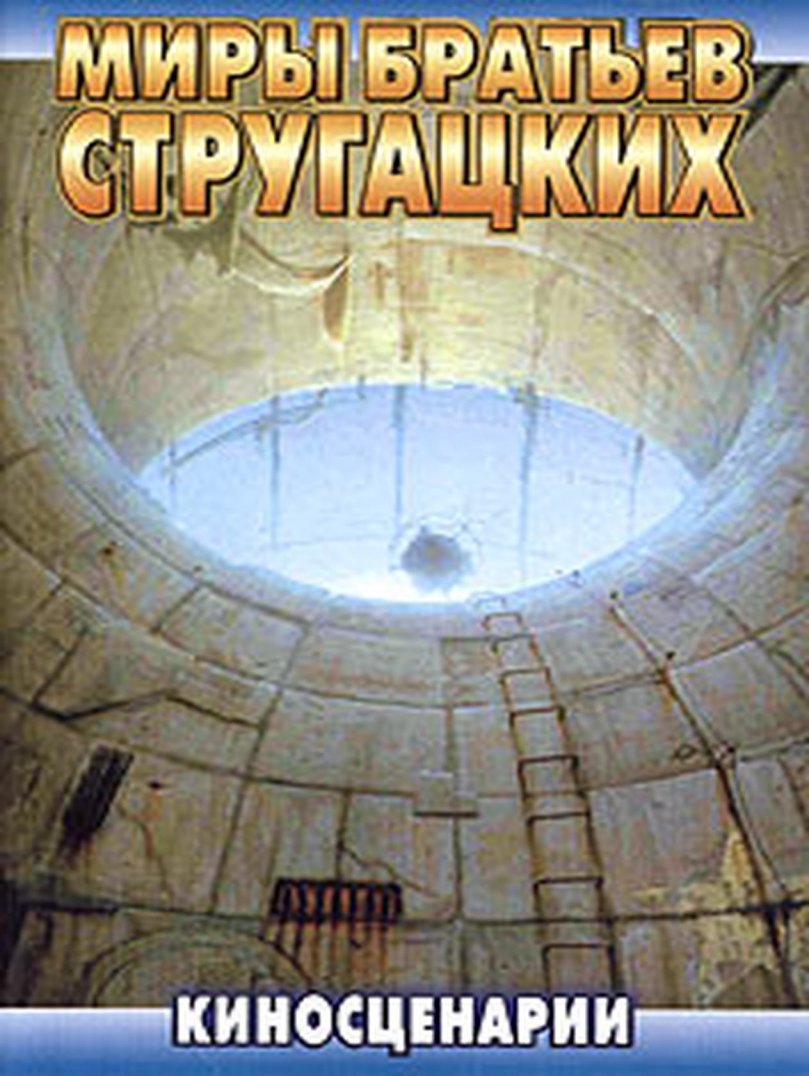

МИРЫ БРАТЬЕВ
СТРУГАЦКИХ
КИНОСЦЕНАРИИ

Сталкер

Аркадий и Борис Стругацкие

Аннотация
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Сталкер
1. Дом сталкера
2. Писатель
3. Кафе
4. Застава
5. В машине у железной дороги
6. Прорыв
7. В ожидании рассвета
8. Зона
9. Терраска, вид с фасада
10. В тумане
11. Отдых после тумана
12. Пробуждение
13. Испытание
14. Коридорчик
15. Комната с телефоном
16. Терраска
17. Снова кафе

Аннотация

Счастье для только что вышедшего из тюрьмы сталкера в том, чтобы вести к Комнате других. На этот раз он ведёт Профессора (Гринько), исследователя-физика, и Писателя (Солоницын) в творческом и личностном кризисе. Они трое проникают через кордоны в Зону. Сталкер ведёт группу осторожно, окружным путём, прощупывая путь гайками. Флегматичный Профессор ему доверяет. Скептичный Писатель наоборот, ведёт себя вызывающе, и, похоже, не слишком-то и верит в Зону и её «ловушки», хотя встреча с необъяснимыми явлениями его несколько переубеждает. Характеры героев раскрываются в их диалогах и монологах, в мыслях и снах Сталкера. Группа проходит Зону и на пороге Комнаты выясняется, что Профессор нёс с собой небольшую, 20-ти килотонную бомбу, которой намерен уничтожить Комнату – потенциальную исполнительницу желаний любого деспота, психопата, мерзавца. Потрясённый Сталкер пытается остановить Профессора кулаками. Писатель считает, что

Комната всё равно исполняет не благообразные обдуманные пожелания, а подсознательные, мелкие, стыдные. (А впрочем, возможно, никакого исполнения желаний и вовсе нет.) Профессор перестаёт понимать, «зачем тогда вообще к ней ходить», развинчивает и выбрасывает бомбу. Они возвращаются.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Сталкер

1. Дом сталкера

Грязная захламленная квартира. Ночь, за окном тьма. Сталкер выбирается из-под одеяла, тихонько поднимается с кровати. Берет в охапку одежду и на цыпочках выходит в ванную. Одевается, затем становится на колени перед ванной и начинает молиться вполголоса

Сталкер. Пусть будет, как всегда было. Пусть ничего не изменится. Пусть все останутся живы, пусть всем будет хорошо. А если для всех это невозможно, пусть я сумею быть жестоким с добрыми и пусть я сумею быть добрым с жестокими, а главное — пусть будет как всегда, пусть стена останется стеной, тупик останется тупиком, а дорога останется дорогой, и пусть никто не останется обделенным. Пусть каждый получит свое, я не так уж много прошу…

Он замолкает и резко оборачивается. В дверях стоит его жена, заспанная, в поношенной ночной рубашке.

Жена. Что же ты делаешь? Где твое слово?

Он встает и стоит перед нею, виновато опустив голову.

Жена. Ты же мне слово дал, ведь я тебе поверила…

Он молчит. Нелепо пожимает плечом, криво и жалко улыбается.

Жена. Ну, хорошо, ты не хочешь думать о себе… Но ты о нас подумай! О дочке своей подумай, она же тебя не узнала, когда ты из тюрьмы вышел… она еще к тебе привыкнуть не успела, а ты опять уходишь! Обо мне — ты обо мне подумай, ведь я старуха в мои годы, ты меня доконал! Ведь я не могу больше тебя ждать, я умру! Ну зачем тебе сейчас идти? Пособие выдали, деньги есть, я устроюсь в магазин… Ну отдохни, ну побудь дома! Ты же обещал.

Сталкер. Как же — есть деньги… Нет денег…

Жена. А пособие?

Сталкер. Я его… Я его потерял.

Жена. Врешь!

Сталкер. Ну послушай, ну не надо так… Ну все будет хорошо! Я знаю! Я уверен!

Жена. Ты же обещал!

Сталкер. Ну обещал, ну соврал… Мне такое дело предлагают, что нельзя отказываться… И

люди такие хорошие, приличные… им нужно…

Жена. Тебе люди важнее, чем жена с дочерью? Ты подумай, что с нами будет, если ты не вернешься!

Сталкер. Да вернусь я, вернусь, честное слово!

Жена. В тюрьму ты вернешься! Там еще твое место не остыло, а ты уже вернешься, и дадут тебе не два года, а пять лет… И пять лет у тебя ничего не будет! Ты подумай об этом: ничего! А я эти пять лет не выдержу…

Сталкер. (*с надрывом*). Ну не могу я! Не могу я здесь! Ну зачем все эти разговоры, ты же знаешь, что я не могу! Смерти я не боюсь, да и не верю я в смерть, не для того я на свет родился… И тюрьмой меня не испугаешь, потому что мне везде тюрьма… Ты тоже меня в тюрьме держишь разговорами этими… Ну я прошу тебя, это же всего одни сутки, завтра утром я вернусь, и снова все будет хорошо…

Жена. Не верю, не верю! Ни во что не верю! Клялся, обещал! Что мне делать? Что мне делать? Не пущу!

Она опускается на порог, падает лицом вниз, колотит кулаками по полу.

Жена. Не пущу! Не пущу!

А он бочком, бочком, осторожно подбирается к порогу, переступает через лежащую женщину и устремляется к выходу. Женщина все повторяет бессильно: «Не пущу!», и где-то в комнате сначала тихо, а затем все громче плачет ребенок.

Сталкер открывает дверь и выскакивает на лестничную площадку.

Грязноватый пролет тускло освещен лампочкой без плафона, и Сталкер сбегает по лестнице.

2. Писатель

Подъезд. Сталкер сбегает с лестницы и останавливается в дверях.

У подъезда стоит роскошный «кадиллак». Дверцы раскрыты, рядом стоят Писатель и его приятельница. Писатель в длинном черном плаще и без шляпы, разглагольствует, делая широкие движения рукой с рюмкой. Приятельница внимает, опираясь на дверцу автомобиля. В одной руке у нее бутылка, в другой — рюмка.

Писатель. Дорогая моя! Мир непроходимо скучен, и поэтому нет ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок.

Приятельница. Но я читала меморандум Кемпбелла…

Писатель. Кемпбелл — романтик. Рара авис ин террис. Таких больше нет. Мир управляется железными законами, и это невыносимо скучно. Серая чугунная скука железных законов… Они не нарушаются. Они не умеют нарушаться. Не надейтесь на летающие тарелки — это было бы слишком интересно…

Приятельница. А как же Бермудский треуголь-

ник?.. Вы же не станете спорить…

Писатель. Я стану спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ це, который равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим. Вы чувствуете, какая чугунная скука заключается в этом утверждении?.. Вот в средние века было интересно. В каждом порядочном доме жил домовой, в каждой церкви — бог… Люди были восхитительно невежественны! Как дети… И они были молоды! А сейчас каждый четвертый — старик. И все поголовно грамотные…

Приятельница. Но вы же не будете отрицать, что Зона… порождение сверхцивилизации, которая…

Писатель. Да не имеет Зона никакого отношения к сверхцивилизации! Просто появился еще один какой-то паршивый скучный закон, которого мы раньше не знали… А хотя бы и сверхцивилизация… Тоже, наверное, скука… Тоже чугунные законы, треугольники, и никаких тебе домовых и, уж конечно, никакого бога… Потому что если бог — это тоже треугольник, то я просто не знаю…

Сталкер выходит из парадного и кладет руку Писателю на плечо. Писатель оборачивается.

Писатель. Ага. Это за мной. Пардон… (*Забирает у приятельницы бутылку.*) Прощайте, моя конфеточка…

Сталкер. Пойдемте.

Писатель. Одну минуту. Вот эта дама любезно согласилась следовать за мною в Зону. Она — мужественная женщина, хотя и глуповата. Ее зовут… э-э… Простите, как вас зовут?

Приятельница немедленно загорается интересом.

Приятельница. В Зону? Вы — сталкер?

Сталкер принужденно улыбается.

Сталкер. Ну какой я сталкер? (*Писателю.*) Вы все шутите. А нас тем временем уже ждут. Извините нас, мадам, нас ждут.

Он крепко берет Писателя за локоть и увлекает его по улице.

Писатель (*оборачиваясь*). Прощайте, моя бабочка! Моя, в каком-то смысле, стрекозочка! (*Сталкеру.*) Послушайте, вы не знаете, кто она такая?

Сталкер. Вы все-таки напились.

Писатель. Я? Ни в какой степени.

Сталкер увлекает его по улице.

Писатель. Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина — да! — напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил…

3. Кафе

Грязное темное помещение ночного кафе. За стойкой маячит сонный бармен. В сторонке у столика стоит Профессор.

Сталкер и Писатель входят.

Писатель. Ну что ж, по стаканчику на дорогу? Как вы считаете? (*Смотрит на Сталкера.*)

Сталкер. Нет. Не надо.

Писатель. Понятно. Сухой закон. Алкоголизм — это бич народов. Что ж, будем пить пиво.

Они подходят к Профессору, и тот спрашивает Сталкера.

Профессор. Это что? С нами?

Сталкер. Да. Ему тоже надо туда. Ничего, Профессор. Не беспокойтесь. Он протрезвеет.

Писатель. Вы действительно профессор?

Профессор. Если угодно.

Писатель. В таком случае разрешите представиться. Меня зовут…

Сталкер. Вас зовут Писатель.

Профессор. А как зовут меня?

Сталкер. Вас? Вас зовут Профессор.

Писатель. Ага. Понятно. Я — писатель, и меня все почему-то зовут Писатель…

Профессор. Известный писатель?

Писатель. Нет. Модный.

Профессор. И о чем же вы пишете?

Писатель. Да как вам сказать… В основном о читателях. Ни о чем другом они читать не хотят.

Профессор. По-моему, они правы. Ни о чем другом и писать, наверное, не стоит…

Писатель. Писать вообще не стоит. Ни о чем. А вы что — химик?

Профессор. Скорее физик.

Писатель. Тоже, наверное, скука. Поиски истины. Она прячется, а вы ее повсюду ищете. В одном месте копнули — ага, ядро состоит из протонов. В другом месте копнули — красота, треугольник а бэ це равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим… Вы неплохо устроились. Мне хуже. Я эту самую истину выкапываю, а в это время с нею что-то такое делается… Выкапывал я истину, а выкопал кучу дерьма. Возьмите вы какой-нибудь закон Архимеда. Он с самого начала был правильным, и сейчас он правильный, и всегда будет правильный. А вот стоит в музее античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а сейчас он стоит в музее и вызывает

всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью форм… Все ахают и охают, и вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подсунул его археологам какой-нибудь жулик или шутник. И форма у него осталась неповторимой, и рисунок лаконичный, но аханье, как ни странно, стихает…

Профессор. Вы не правы. Вы говорите о профанах и снобах…

Писатель. Ничего подобного. Я говорю о горшках. Я сам двадцать лет леплю такие горшки. И поскольку я — писатель модный, они восхищают книголюбов лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. А через двадцать лет придет мальчик и заорет во все горло про голого короля!

Профессор. Господи. И вы об этом все время думаете?

Писатель. Первый раз в жизни. Я вообще редко думаю. Мне это вредно.

Профессор. Наверное, невозможно писать и при этом все время думать, как ваш роман будет читаться через сто лет.

Писатель. Натюрлих! Но с другой стороны, если через сто лет его не станут читать, то на кой хрен его сегодня писать?

Сталкер. А деньги? А слава?

Писатель. Деньги! Слава! Слушайте, давайте поговорим о чем-нибудь приятном! Кстати, Профессор, ради чего вы впутались в эту историю? Чего вам понадобилось в Зоне?

Профессор (*несколько ошарашенно*). Н-ну… Что может физику понадобиться в Зоне? А вот что может в Зоне понадобиться Писателю — это интереснее. Деньги у вас, как я понимаю, есть. Слава — тоже.

Писатель. Женщины гроздьями. Вилла.

Профессор. Вот именно. Чего же вам еще не хватает?

Писатель. Вдохновенья, Профессор! Куда-то запропастилось мое вдохновенье. Хочу попробовать вернуть.

Профессор. А может, оно бы само вернулось?

Писатель. Не думаю. Не похоже.

Профессор. То есть, вы исписались…

Писатель. Что?

Некоторое время он молчит, затем говорит брюзгливо.

Писатель. Ведь предлагали же вам поговорить о чем-нибудь приятном…

Сталкер смотрит на часы.

Сталкер. Простите. Пора.

4. Застава

Они выходят из кафе. За углом застыл у обочины большой черный автомобиль. Профессор открывает дверцы. На водительское место забирается Сталкер, а Профессор с Писателем усаживаются на заднее сиденье. Сталкер оборачивается, протягивает руку.

Сталкер. Ключ, пожалуйста.

Профессор молча кладет ему на ладонь ключ от зажигания. Сталкер заводит мотор, и машина стремглав уносится по темным предутренним улицам.

Они мчатся молча. Писатель дремлет, откинувшись головой в угол, холодно блестят очки Профессора, согнулся над рулем Сталкер, пожевывая потухшую сигарету. Мелькают за окнами машины редкие огни в окнах, мокрые кусты, мокрые решетчатые изгороди…

Машина притормаживает. Поперек широкой пустынной улицы — транспаранты со светящимися надписями на трех языках: «Стоп! Проезда нет! Только по специальным пропускам». И ниже:

«До въезда в Зону — 300 м».

Сталкер сворачивает машину в узкий, заросший травой проулок, затормаживает. Открывает дверцу, выходит и, прокравшись до поворота, выглядывает.

Перед ним — застава войск ООН, охраняющих въезд в Зону. Бетонные стены, узкие, как амбразуры, окна. Прожектора на крышах. Прожектора и пулеметы на башнях. Броневики с мокрыми от дождя клепаными бортами. Часовые в мокрых от дождя металлических касках. Шоссе упирается в наглухо закрытые ворота. Далее в темноте блестят под дождем мокрые рельсы. Железнодорожная ветка упирается в наглухо закрытые ворота.

Сталкер некоторое время внимательно разглядывает заставу и ее окрестности, затем возвращается к машине. Осторожно выводит ее из переулка, пересекает шоссе и спускается в пространство между шоссе и железной дорогой, а там, дав задний ход, прячет ее в заросли мокрого кустарника. Выключает мотор и откидывается на спинку сиденья.

5. В машине у железной дороги

В кустарнике у железнодорожного полотна прячется машина. За рулем, сгорбившись, сидит Сталкер. На заднем сиденье расположились Профессор и Писатель. Писатель спит, уткнувшись головой в угол. Тишина.

Сталкер оборачивается к Профессору.

Сталкер. (*вполголоса*). Канистру вы не забыли?
Профессор. Полная. В багажнике.
Сталкер. А фонарик?
Профессор. Не забыл.

Писатель просыпается, мутно оглядывается по сторонам.

Писатель (*зычным голосом*). А? Приехали?
Сталкер. Тише, пожалуйста.
Писатель (*шепотом*). Понял… Понял… Молчу…

Пауза.

Писатель (*вполголоса*). А чего мы, собственно, ждем?

Никто не отвечает ему. Писатель нервно позе-

вывает, крутится, потом вдруг поворачивается к Профессору.

Писатель (*тихо*). Никакого мне вдохновенья не надо. Я сам не знаю, что мне надо. Откуда я знаю, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно не хочу того, чего не хочу? Это какие-то неуловимые вещи. Стоит их назвать, и смысл их исчезает, тает, расползается. Как медуза на солнце. (*Пауза.*) Положим, я — убежденный вегетарианец. Сознание мое хочет победы вегетарианства во всем мире. Подсознание мое изнывает по куску сочного мяса. Вопрос: а чего хочу я? Я, сложный сплав сознания и подсознания…

Профессор. А вы хотите мирового господства. Конфликты сознания с подсознанием даром не проходят.

Сталкер. Чш-ш-ш…

Слышится гул и постукивание приближающегося электровоза.

Сталкер. (*хрипло*). Держитесь крепче! Упирайтесь. Сейчас!

Электровоз проходит.

Сталкер. (*кричит*). Пошли!

Он с места рывком бросает машину вперед. Машина выскакивает на железнодорожное полотно и мчится следом за электровозом в распахнувшиеся ворота.

6. Прорыв

Сразу за воротами Сталкер круто бросает машину с железнодорожного полотна влево, в темноту. Выпучив от ужаса глаза, разинув рот, прыгает на заднем сиденье Писатель, цепляясь то за спинку переднего сиденья, то за колени Профессора, а тот растопырился, уперся руками во все, что возможно, и только ежесекундно поправляет ползающие по лицу очки. Окостенел на водительском месте Сталкер, бешено работает руками, вцепившимися в руль.

А уже суматошно забегали во тьме прожектора, и вот ударила первая пулеметная очередь. Машина стремительно врывается в мертвые, давным-давно оставленные жителями кварталы. Мелькают в бегущем свете прожекторов запыленные стекла окон, стены с обсыпавшейся штукатуркой, повалившиеся заборчики. Теперь уже несколько пулеметов сразу вслепую лупят вслед нарушителям. Пули крошат ветхие стены, вдребезги разносят уцелевшие стекла и ставни, поднимают фонтаны воды в стоячих лужах…

Сталкер круто сворачивает в непроглядную

тьму, резко тормозит.

Сталкер. Вылезай, живо! Канистру!

Распахиваются дверцы. Сталкер, Профессор и Писатель вываливаются в грязь.

Сталкер. Канистру, черт очкастый!

Профессор торопливо бежит на четвереньках к багажнику, распахивает его, выволакивает тяжелую канистру.

Г о л о с **Сталкер.** а (*из темноты*). Сюда, живее!
Профессор. Где вы там?

Снова грохочут пулеметы. В темноте под черным небом, в котором пляшут прожекторные лучи, на мгновение загорается фонарик.

Сталкер. Сюда! Давайте сюда! За мной ползком. Голов не поднимать. Канистру держите слева. Если кого-нибудь зацепит, не кричите, не метайтесь! Увидят — убьют. Потом, когда стихнет, ползите назад, к воротам. Утром подберут…

Сталкер ловко ползет на четвереньках, виляя тощим задом. Профессор, волоча канистру, ползет за ним. Пыхтя, ползет Писатель.

Они оказываются в полуразвалившемся сарае.

Под его крышей проходят железнодорожные рельсы, а на рельсах красуется крошечная дрезинка с бензиновым моторчиком.

Сталкер, то и дело оглядываясь на треск пулеметных очередей, оскалившись, отвинчивает пробку.

Вдвоем с Профессором они заливают бак, затем Сталкер отбрасывает пустую канистру и принимается заводить мотор.

Сталкер. Садитесь. Скорее, пожалуйста!

Профессор и Писатель лезут на узкую платформу и кое-как рассаживаются, держась друг за друга. Мотор некоторое время не заводится. Сталкер рычит от бешенства и нетерпения. Но вот наконец мотор чихает и разражается залпами выхлопов, от которых мигающая от прожекторов полутьма в сарайчике заполняется клубами дыма.

Сталкер. Поехали!

Дрезина трогается с места, проламывает ветхие воротца и мчится в темноту по мокрым рельсам. А позади по-прежнему бегают прожекторные лучи и грохочут пулеметные очереди.

Катится по рельсам в кромешной тьме дре-

зина, ровно и мощно гудя мотором. Впереди, навалившись на пульт управления, жуя потухшую сигарету, сидит по-турецки Сталкер. Позади Сталкера, прижавшись друг к другу спинами, держась за края узкой платформы, сидят Писатель и Профессор. Профессор придерживает на коленях неуклюжий угловатый рюкзак.

7. В ожидании рассвета

Дрезина замедляет ход. Впереди из тумана выдвигается какое-то полуразрушенное станционное здание.

Дрезина останавливается. Сталкер спрыгивает на шпалы.

Сталкер. Ну вот мы и дома. Прошу.

Писатель. Ф-фу. Наконец-то…

Он тоже слезает с дрезины, за ним спрыгивает Профессор.

Профессор. Тихо как…

Сталкер. Здесь всегда тихо. Здесь некому шуметь. Это самое тихое место на Земле.

Сталкер очень возбужден, ноздри его раздуваются, глаза блестят.

Сталкер. Вы потом увидите. Здесь удивительно красиво… Странно! Цветами почему-то не пахнет… Или я отвык? Вы не чувствуете? Никто?

Писатель. Болотом воняет — это я чувствую…

Сталкер. Нет-нет, это рекой, здесь река близко… (*Показывает в сторону здания.*) А вон там

был огромный цветник, Дикобраз его засыпал, затоптал, с землей сровнял, но запах оставался много лет… А вот сейчас я его не чувствую…

Профессор. Зачем?

Сталкер. Что — зачем? Ах, затоптал? Не знаю. Дикобраз был очень странный человек. Я, помню, его тоже спрашивал: зачем? А он мне отвечал: потом сам поймешь. Но я так и не понял. До сих пор не понял… Наверное, он просто ненавидел Зону. Возненавидел ее.

Писатель. Пардон! А кто это такой — Дикобраз? Это фамилия такая?

Сталкер. Нет, это кличка. Он был сталкер. Самый лучший из всех сталкеров. Двадцать лет он водил людей в Зону, и никто ему не сумел помешать. Он был моим учителем, он мне глаза открыл, и звали его тогда не Дикобраз, звали его тогда Мастер… А потом что-то с ним случилось, сломалось что-то в его характере, а может, и не сломалось, а переродилось. Я думаю, он просто поссорился с Зоной. С этого все началось… Ну, ладно, вы тут посидите, а я пройдусь, мне тут надо кое-что…

Он уходит в туман.

Писатель. Куда это его?

Профессор. Не знаю. Наверное, хочет побыть один.

Писатель. Зачем? Тут и втроем как-то неуютно…

Профессор. Свидание с Зоной. Он ведь сталкер.

Писатель. Ну и что же?

Профессор. Настоящий сталкер — это не просто профессия. Это в каком-то смысле призвание.

Писатель. Ну?

Профессор. Всё.

Писатель. Спасибо. Было очень интересно.

Профессор. Перестаньте суетиться. Сядьте и посидите спокойно. Здесь не так уж много мест, где можно посидеть спокойно.

Писатель, зябко поеживаясь, садится на край дрезины. Озирается.

Писатель (*брюзжит*). Удивительно красиво. Туман, и ничего не видно. Ну хорошо, а что там насчет Дикобраза? Что это значит — поссорился с Зоной? Это фигура речи?

Профессор. Не знаю. А Дикобраз кончил очень плохо. В один прекрасный день он дико, безобразно разбогател. Закатывал чудовищные кутежи. Завел гарем. Затеял несколько сумасшедших

предприятий. А потом вдруг повесился.

Писатель. Разорился?

Профессор. Нет. Так и повесился посреди своих миллионов, своего гарема и всего прочего.

Писатель. Значит, следует понимать, что он таки дошел до терраски…

Профессор. Наш с вами шеф считает именно так…

Писатель. Значит, терраска таки действительно исполняет желания…

Профессор. Дикобраз разбогател.

Писатель. И повесился…

Из тумана появляется Сталкер.

Сталкер. А цветы снова цветут! Только не пахнут почему-то… Вы извините, что я вас тут бросил, но сейчас идти пока все равно… туман…

Длинный скрежещущий звук прерывает его. Все, даже Сталкер, вздрагивают.

Писатель. Господи, что это?

Сталкер молча прислушивается. Лицо у него напряженное и испуганное.

Профессор (*нерешительно*). А может быть, это все-таки правда, что здесь живут?

Сталкер. Кто?

Профессор. Ну, вы знаете эту легенду… ну, туристы эти, которые стояли здесь в ту ночь, когда возникла Зона…

Сталкер. Нет. В Зоне никого нет и быть не может. Если бы здесь можно было жить!..

8. Зона

Тумана больше нет. С высоты насыпи открываются просторы Зоны, озаренные зеленым заревом с востока — утренней зарей Зоны.

Сталкер. Я уже говорил с каждым из вас в отдельности, но сейчас хочу еще раз повторить некоторые вещи. Зона требует выполнения определенных правил. Этих правил очень много, и у меня нет возможности вам их изложить. Поэтому для вас существует только одно правило: беспрекословное выполнение всех моих указаний. Беспрекословное! Иногда то, что я вам прикажу, покажется очень странным. Очень прошу вас не спорить. Если вы моих приказов выполнять не будете, я ничего не смогу для вас сделать. До терраски мы не дойдем, а может, даже случится беда. Это понятно? Теперь о порядке следования…

Писатель. А там что такое?

В километре от них в утреннем мареве виднеется бело-серое здание с черными провалами окон и входа.

Сталкер. А там и есть наша терраска. Нам

— туда.

Писатель. Так это же рукой подать.

Сталкер. Да. Но рука должна быть очень длинная. У вас такой нет. И у меня тоже.

Он достает из кармана горсть гаек.

Сталкер. Сейчас начнется очень утомительный участок. Поэтому будьте внимательны и не отвлекайтесь. У нас это называется «провешивание дороги».

И начинается работа. Сталкер бросает гайку, внимательно следит за ее полетом, затем посылает к месту ее падения Писателя. Писатель, дойдя до этого места, останавливается, после чего к нему подтягивается Профессор, а следом за ним и Сталкер. Отсюда Сталкер кидает новую гайку, посылает к ней Профессора, и так далее они движутся на манер зеленой гусеницы под названием «землемер».

9. Терраска, вид с фасада

Они стоят у растрескавшейся бетонной плиты шагах в пятидесяти от угрюмого бело-серого здания с ободранными стенами, и отчетливо виден ведущий в черноту широкий, как ворота, прямоугольный вход, и обвалившиеся цементные ступени, ведущие к нему, и — на высоте человеческого роста, там, где кончается верхняя ступенька, — площадка, заросшая разноцветными мхами: терраска, заколдованное место, где исполняются желания. Всего в пятидесяти шагах. Может быть, даже меньше.

Профессор (*вполголоса*). Это она?

Сталкер. Да. Близко, правда? Камешек можно добросить, верно?

Профессор, не спускающий с терраски взгляд, с недоумением поворачивается к Сталкеру. Он же видит, что до терраски рукой подать, ему кажется, что он уже пришел, он уже начинает стягивать со спины рюкзак, но что-то в интонации Сталкера его настораживает.

Сталкер. Я всегда тут останавливаюсь. Это

очень поучительно. Смотрите: оттуда (*он показывает за спину*) сюда попасть можно. Например, тем путем, которым мы шли. Но вот оттуда (*он показывает на террасу*) сюда вы не попадете. Никто никогда на обратном пути сюда не возвращался. Это как время — оно всегда течет в одну сторону: оттуда сюда. (*Показывает руками.*) Теперь слушайте дальше. Расстояние здесь кажется метров пятьдесят, но прямо пройти невозможно, надо идти далеко в обход. А прямо идет дорога чистых душ. Так ее называют сталкеры. А поскольку чистых душ в мире немного, то никто еще пока этой дорогой не проходил…

Профессор. То есть, вы хотите сказать, что физическое расстояние отсюда до террасы больше пятидесяти метров?

Сталкер. Ну да! Много часов обходного пути!

Профессор. Нет, я не об этом… Я говорю о физическом расстоянии. Если я брошу сейчас камешек, долетит он до террасы?

Сталкер. Нет, что вы! Здесь ничего нельзя бросать! Здесь можно только смотреть.

Профессор (*нетерпеливо*). Подождите. Я говорю о мысленном эксперименте. Долетит отсюда камень до этих вот ступенек?

Сталкер. Вы не понимаете. Долетит отсюда

камень в завтрашний день?

Профессор. Вы хотите сказать, что здесь нет пространства?

Сталкер. (*пожимает плечами*). Откуда я знаю? Я знаю, что это — дорога чистых душ. Я знаю, что здесь ничего нельзя бросать… Я знаю, что нам с вами здесь не пройти. Физика здесь ни при чем. И геометрия здесь ни при чем… Здесь чудо!

Профессор, не говоря ни слова, снова взваливает на себя рюкзак и угрюмо защелкивает карабин.

Писатель. А откуда вы все это знаете? Кто-нибудь пробовал?

Сталкер. Пробовали.

Писатель. Ну и что?

Сталкер. Ну и шли обходной дорогой. Как мы сейчас пойдем.

Писатель. Много часов?

Сталкер. Много часов. И путь трудный.

Писатель. Ну вот что. Я бы предложил идти прямо.

Сталкер. Это дорога чистых душ.

Писатель. Ну, у меня душа не грязнее, чем у прочих.

Профессор (*ожесточенно*). Не валяйте дурака.

Писатель. Погодите, Профессор… Послушайте,

Мастер, башку мне там не оторвет?

Сталкер. Это дорога чистых душ.

Писатель. Ну?

Сталкер. Чистые души не задают таких вопросов.

Писатель. А, ч-черт, с вашими иносказаниями! Ну бросьте вашу гаечку, я посмотрю, что там.

Сталкер. Туда ничего нельзя бросать…

Профессор. Перестаньте валять дурака!

Писатель. Это вы перестаньте валять дурака! Пятьдесят шагов пройти — и мы на месте! Травка, солнышко, все видно! Вы что, не понимаете, что он цену набивает? (*Сталкеру.*) Ну признайтесь, шеф, я же угадал!

Сталкер. Нет. Не угадали.

Писатель нерешительно мерит взглядом расстояние до терраски, а затем быстро делает несколько шагов вниз по склону. Профессор пытается схватить его за руку, но Сталкер его останавливает.

Сталкер. Пусть. Это очень поучительно. Я видел это только один раз.

Писатель почти бегом идет по склону к террасске, потом шаги его замедляются, ноги начинают заплетаться, он хватается обеими руками за

голову, описывает замысловатую кривую и, шатаясь, как пьяный, возвращается обратно и садится на обломок бетона. Профессор встревоженно наклоняется над ним.

Профессор. Что с вами? Целы?

Писатель. Цел? Не думаю. Я весь изранен. Обругает какая-нибудь сволочь — рана. Другая сволочь похвалит — еще рана. Вы ведь хотите только одного — жрать! И вам все равно, что жрать. Ведь вы же все поголовно грамотные, и у каждого сенсорное голодание. Душу вложишь, сердце свое вложишь — жрете и душу, и сердце. Мерзость душевную вам вывалишь — жрете мерзость. И все клубитесь, клубитесь вокруг — журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные… и все требуют: давай, давай!..

Профессор (*ошеломленно*). Послушайте, Писатель…

Писатель. Да какой я, к черту, писатель! Я же ненавижу писать! Это же для меня мука, болезненное, постыдное занятие, что-то вроде выдавливания фурункула… Я ведь раньше думал, что вы становитесь лучше, я пишу, а вы становитесь от этого лучше. Но ведь я никому не нужен, у меня только одна вилла за душой. С финской баней. Я сдохну, и через два дня вы меня забудете

и начнете жрать кого-нибудь другого. Я пытался переделать вас, а переделали-то вы меня — по своему образу и подобию…

Он замолкает и роняет голову на руки. Сталкер, с жадностью слушавший его, переводит дух и успокоительно кивает Профессору.

Сталкер. Ничего, не беспокойтесь, уже все. Сейчас мы пойдем в обход.

10. В тумане

Профессор, Писатель и Сталкер по колено в воде бредут по подземному тоннелю. Клубы тумана, озаренные серыми отсветами недалекого выхода, ползут над водой. Профессор и Писатель страшно утомлены, они спотыкаются и то и дело падают.

Сталкер. Ну, еще немного… еще чуть-чуть, выход уже виден… Сейчас все кончится…

Они выбираются из прямоугольной ямы на «Опасную площадку». Сталкер озабоченно озирается.

Сталкер. Ну, кажется, все в порядке… Рукомойник, гайка… Можно передохнуть немного…

Профессор стягивает с плеч рюкзак и устало усаживается на него. Писатель со стоном облегчения валится рядом. Один Сталкер остается стоять. Он озирается, задрав голову, словно бы принюхиваясь. Над «Опасной площадкой» сгущается туман.

Сталкер. Туман… Ах, как неудачно! Ну ничего…

Вы посидите, отдохните, я тут схожу… А вы сидите на месте, особенно не вздумайте подходить к той двери… (*показывает на дверной проем, в котором раскачивается на шнурке гайка*).

Писатель (*вяло*). А что там такое?

Сталкер. Туда нельзя. Видите, здесь Дикобраз специально повесил гайку… Туда нельзя.

Писатель (*ложится на спину, закинув руки за голову*). Ну, нельзя — и слава богу…

Сталкер уходит.

Писатель. Что он нас все пугает? Странный какой-то человечек… По-моему, он похож на паука. Он смотрит и слушает, как будто тебя высасывает. И пугает, пугает, пугает… Мы тут целый день уже ползаем на карачках, и ничего опасного, кроме вонючей вони, я не видел…

Профессор. Во-первых, не целый день, а всего-навсего два часа… А во-вторых, благодарите бога, что вы ничего не видели. Здесь всё есть, на все вкусы: и электрические разряды, и жаровни, когда воздух вокруг ни с того ни с сего раскаляется, как в домне… Пугает! Вам что — так уж понравилось на дороге чистых душ?

Писатель. Нет. Совсем не понравилось. Но это другое дело…

Профессор. Я же говорю: здесь есть всё, на все вкусы. Кому что нравится.

Из тумана раздается голос Сталкера.

Сталкер. Эй, Профессор! Писатель! Идите-ка сюда!..

Писатель. О господи! Опять будет лекцию читать про свою Зону…

Они поднимаются и нерешительно идут в туман.

Сталкер. Сюда, сюда! Я здесь! Писатель, давайте руку… Понимаете, положение немножко осложнилось… Обычно я иду этой дорогой, но сейчас, во-первых, туман, а во-вторых, видите, вода… Обычно этого нет, обычно здесь радуга… две, три, четыре радуги… Ослепительное зрелище… Пройдемте-ка дальше… Осторожно, держитесь друг за друга! Здесь под ногами консервные банки, это обычное место привала… Вон там наверху очень забавные надписи… Кто-то когда-то оставил, не знаю, давно… Теперь сюда… Здесь должна быть моя палка… Ага, вот она!

Писатель. Какая-нибудь знаменитая палка?

Сталкер. Нет, обычная палка. Можете убедиться.

Писатель. Спасибо, я верю…

Сталкер. Профессор, вы держитесь за Писателя? Возьмите его за полу, так удобнее… А вы держитесь за меня, да покрепче, не стесняйтесь… На самом деле нам очень повезло: если бы мы в таком тумане вышли на «Опасную площадку», то могли бы угодить прямо под гайку, такие случаи бывали…

Все это время они движутся через волны густого тумана. Сталкер, не переставая говорить, ощупывает перед собой землю палкой и все время поводит головой справа налево, как бы прислушиваясь и принюхиваясь. Шум воды становится все мощнее.

Сталкер. (*удовлетворенно*). Очень удачно мы проскочили. Я так и знал, что водопад усилится… Сейчас будет Сухой тоннель, и туман нам больше не страшен…

И тут Профессор вдруг останавливается.

Профессор. Подождите! Мы что — уже идем?

Сталкер. Да, конечно… А что случилось?

Профессор. Позвольте! Я же понял, что вы хотите нам что-то сказать! А как же мой рюкзак?

Сталкер. А что случилось с рюкзаком?

Профессор. То есть как что случилось? Я же не знал! Я его снял! Я его там оставил!

Писатель киснет от смеха.

Профессор. Перестаньте ржать, идиот! Надо вернуться!

Сталкер. Куда вернуться? Там же теперь вода, вы же видели…

Профессор. Какая вода? Мне нужен мой рюкзак!

Писатель (*задыхаясь от смеха*). Ему нужно срочно сменить подштанники!

Профессор. Молчите, идиот! (*Его трясет.*) Слушайте, мне надо обязательно вернуться за рюкзаком!

Сталкер. (*растерянно*). Но это же невозможно! Там водопад, он вырос и продолжает расти… И я не знаю, сколько времени он будет расти…

Профессор со всхлипом опускается на землю. Писатель наконец понимает, что смешного здесь — чуть.

Писатель. Господи, да что у вас там такое было? Золото, брильянты?

Сталкер. Успокойтесь, Профессор, вы же идете на терраску! Она вам все вернет!

Вместо ответа Профессор разражается истерическим хохотом.

Профессор. Да, это было бы ловко! Это была бы штука! Ну надо же, ну надо же! Значит, не судьба? Значит, они правы, а я нет? Слушайте, туда точно нельзя вернуться?

Сталкер. Мы отрезаны водопадом, нас просто смоет…

Профессор. Ну и плевать. Значит, так и должно было случиться. (*Вскакивает.*) Пошли. Пошли, нечего тут сидеть. Куда вы там хотели идти? В тоннель? Прекрасно! Где он, ваш тоннель? Голубчик, теперь уж позвольте, я пойду впереди. Теперь я больше ни на что не годен. Теперь уже все равно!..

Сталкер. (*внимательно поглядев на него*). Успокойтесь, Профессор. Возьмитесь за полу Писателя и держитесь крепче… В тоннеле я опять пущу вас первым.

И они идут дальше. Сталкер молчит. Испуганно молчит Писатель. Только Профессор время от времени разражается судорожным хохотом и, мотая головой, приговаривает: «Ну и ну! Ай да я!»

Потом впереди в тумане возникает темное

пятно, и они вступают по колено в бегучую воду под гулкие своды нового тоннеля. Туман здесь гораздо реже, в сероватом свете поблескивают бетонные стены, по которым струится влага. Они бредут по воде, и несколько оправившийся Писатель бормочет: «Ничего себе — сухой тоннель!», Сталкер отвечает ему: «Это шутка. Обычно здесь по пояс, даже выше».

Профессор, который идет впереди, вдруг останавливается.

Профессор. Там свет…

Сталкер. Свет? Это выход… Подождите, пропустите меня вперед!

Они осторожно приближаются к выходу, выбираются из тоннеля и останавливаются в остолбенении.

Они снова на «Опасной площадке», и стоит, покосившись, рюкзак Профессора. Сначала они не понимают, куда попали.

Писатель. Смотрите-ка, рюкзак!

Сталкер. Подождите, как же так? Рукомойник… Гайка… Это же «Опасная площадка»! (*Торжественно.*) Мы прошли под гайкой! Она вернула нас и пропустила под гайкой!

Профессор на негнущихся ногах подходит к рюкзаку, ощупывает его, затем садится и кладет себе на колени, держа обеими руками.

11. Отдых после тумана

Сталкер, Писатель и Профессор расположились на отдых. По-прежнему туман.

Сталкер. Вы представить себе не можете, как все это получилось хорошо. Вы ей понравились, теперь я это знаю. Наверное, вы — хорошие люди. Я ведь никогда не знаю заранее, угадал я или нет. Тех ли я людей выбрал. Наверное, это вообще нельзя угадать, и все выясняется только здесь, когда уже поздно. У меня иногда руки опускаются из-за своего бессилия, от своего неумения разобраться в человеке… Но Зона не ошибается. Никогда. Смотрите, как мягко она с вами обошлась. Пропустила через водопад. Повернула — осторожно повернула! — не ушибла, не испугала, просто вывела нас обратно, и где вывела? — под гайкой, откуда вообще никогда никто не возвращался… а мы невредимы…

Писатель. Мы-то ладно! Главное — подштанники профессорские целы остались…

Профессор. Послушайте, заткнитесь. Не суйте вы свой нос в дела, в которых вы ничего не понимаете.

Писатель. А чего здесь такого понимать? Подумаешь — психологические бездны… В институте мы на плохом счету, средств на экспедицию нам не дают, набьем-ка мы наш рюкзак всякими там манометрами-дерьмометрами, проникнем в Зону нелегально и все здешние чудеса проверим алгеброй… Никто в мире ничего про Зону не знает, а тут выходит наш Профессор весь в белом и объявляет: мене, текел, фарес… И все рты раскрывают и хором кричат: «Нобелевку ему! Две!»

Профессор. Писателишка вы задрипанный, трепло бездарное… Вам бы стены в сортирах расписывать, психолог доморощенный…

Писатель. Вяло. Вя-ло! Не умеете. Не знаете вы, как это делается. А потом, психология — это не моя сфера. Мое дело — улавливать социальные тенденции повышенным чутьем художника. Вы, ученые, эти тенденции создаете. Не спорю. Но сами вы в них ничего не понимаете.

Профессор. Чего же это мы, например, не понимаем?

Писатель. Главного не понимаете. Это раньше будущее было только повторением настоящего. Великие перемены маячили где-то за далекими горизонтами. А теперь вашими трудами нет уже никакого будущего. Оно слилось с настоящим.

Завтрашний день здесь, рядом, он держит нас за горло, а вы этого не понимаете…

Профессор. Ну, хорошо. Я иду за нобелевкой. А вы зачем? Хотите подарить человечеству сокровища своего покупного вдохновенья?

Писатель. Кашлял я на человечество. Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек — вот этот. (*Тычет себя в грудь пальцем.*) А в этом человеке меня интересует только одно: стоит он чего-нибудь или он такое же дерьмо, как и все прочие.

Профессор. Ну и что будет, если узнаете вы, что дерьмо?

Писатель. Знаете что, господин Эйнштейн? Занимайтесь своей наукой, занимайтесь своим человечеством. Но только человечеством минус я. И вообще я не желаю с вами спорить. В спорах рождается истина, будь она проклята. (*Он поворачивается к Сталкеру.*) Вот, кстати, шеф, вы ведь приводили сюда множество людей…

Сталкер. Не так их было много, как мне бы хотелось…

Писатель. Ну, все равно, не в этом дело… Зачем они шли сюда? Чего они хотели?

Сталкер. Счастья…

Писатель. Это-то понятно, за несчастьем ни-

кто не пойдет… Но конкретно, какого именно счастья?

Сталкер. Я не могу об этом говорить. По-моему, это было бы нехорошо, если бы я рассказывал о том, что я знаю… Это ведь не касается ни вас, ни меня… Да и знаю я очень мало. Люди не любят говорить о сокровенном…

Писатель. Да, пожалуй, вы правы… Я глупость спросил. Но что же это получается? Значит, вы на своем веку повидали множество счастливых людей… Я вот, например, не видал за всю свою жизнь ни одного…

Сталкер. А я тоже. Они возвращаются с террраски, я веду их назад, и больше мы никогда не встречаемся… Ведь желания исполняются не мгновенно… Наверное, дни проходят, прежде чем каждый получит свое…

Писатель. А сами вы… никогда?

Сталкер. А я и так счастлив. Больше мне ничего не надо.

Все молчат.

Писатель. Нет, все это как-то непонятно. Есть во всем этом какое-то недоразумение… Желания, счастье… Ну, предположим, вступлю я на эту террраску и вернусь завтра на свою виллу самым

гениальным писателем нашего времени. Я же знаю, чем это кончится. Все, что я с этого момента напишу, будет казаться мне особенно скверным и ни к черту не годным. Критики примутся рвать меня в клочки, как это они всегда делали со всеми гениями. А то, что я гений, выяснится лет через сто. Ничего себе счастье! Значит, нельзя желать гениальности? А ради чего еще идти на терраску? Как вы считаете, Профессор?

Никто ему не отвечает.

12. Пробуждение

Сталкер открывает глаза. Некоторое время лежит, прислушиваясь. Тумана как не бывало. Сталкер бесшумно поднимается, мягко ступая, подходит к спящим спутникам и останавливается над ними. Какое-то время он внимательно разглядывает их по очереди. Лицо у него сосредоточенное, взгляд оценивающий.

Он явно выбирает одного из двоих и явно не знает, на ком остановить выбор. На лице его появляется выражение растерянности. И тогда он начинает молиться, как давеча в ванной. Губы его шевелятся, но слов почти не слышно. Можно расслышать только: «…Сумею быть жестоким с добрыми… пусть я не ошибусь, пусть я выберу правильно…»

Затем он проводит по лицу ладонью и, наклонившись над спящими, говорит негромко: «Вставайте, пора»…

13. Испытание

Профессор, за ним Писатель и Сталкер выбираются, изогнувшись, из трубы и останавливаются у края узкого прямого рва, выложенного бетоном. Перед ними обширный мрачный зал — бетонные плиты пола, бетонные стены, обшарпанные бетонные колонны.

Сталкер. Дальше нам предстоит пройти через этот зал. Но здесь я не могу приказывать. Первым должен пойти доброволец. Поэтому, пожалуйста, решите сами, кто из вас пойдет.

Писатель (*раздраженно*). Что это за военные игры? Вот вы сами и идите. В конце концов, вам за это деньги платят…

Профессор. Перестаньте!

Писатель. Почему — перестаньте? Плевать я хотел на эти психологические этюды! Почему это мы с вами должны определять смертника? Сам я идти не хочу, но и вас посылать не намерен!

Профессор. Да перестаньте вы. Я пойду.

Писатель. Нет, вы не пойдете! Я не нуждаюсь в благотворительности! Пусть он идет!

Сталкер. Я не могу идти. Это бессмысленно. И

бесполезно.

Писатель. Ах, бесполезно? Откуда вы знаете? Черт бы побрал ваше надутое смиренное всезнание! (*Профессору.*) Вы посмотрите на него! Ему же удовольствие доставляет — ставить нас в идиотское положение!

Сталкер. (*терпеливо*). Поймите: если со мной что-нибудь случится, то вы здесь погибнете оба. Поэтому мне идти бесполезно.

Профессор. Да давайте я пойду, что вы все спорите?

Писатель. А вы перестаньте строить из себя героя! Он, видите ли, пойдет, а мне всю жизнь сидеть в дерьме от срама… Тогда извольте жребий! Пусть жребий решит!

Профессор. Да не надо никакого жребия. Со мной ничего не случится, я уверен…

Писатель. В чем вы уверены?

Профессор. Я уверен, что я пройду через этот зал и со мной ничего не случится. Все дело вот в этом моем горбу… (*Он хлопает ладонью по рюкзаку.*) Зона совершенно явно хочет, чтобы я донес его до самой терраски. А значит — со мной ничего не случится.

Писатель. Господи, ну и логика! Вы что — свихнулись?

Профессор. Нисколько. Логика, конечно, странная. Но ведь мы имеем дело с чудом… Само чудо вне логики, но внутри чуда есть логика, хотя и своя… Давайте будем логичны, Писатель!

Писатель открывает и закрывает рот, а Профессор перешагивает через ров и неторопливо движется по залу. Шаг, второй, третий… и вдруг пронзительный крик: «Стой!»

Профессор застывает на месте. Сталкер смотрит на Писателя, Писатель смотрит на Сталкера.

Сталкер. Зачем вы это сделали?

Писатель. Я?

Сталкер. Здесь нельзя кричать.

Писатель. Я не кричал!

Профессор. Мне вернуться?

Сталкер. (*помолчав*). Да, возвращайтесь. Все ясно.

Профессор возвращается.

Профессор. Что случилось? Зачем вы меня остановили?

Сталкер. Это не я вас остановил.

Профессор поворачивается к Писателю. Тот молча мотает головой. Затем вдруг ухмыляет-

ся и грозит Профессору пальцем.

Писатель. Ай да химик! Сам себе крикнул, сам себя остановил и вернулся героем…

Сталкер. Так. Здесь нам делать больше нечего. Идите за мной.

Они идут за ним некоторое время молча, затем Профессор говорит Писателю вполголоса: «Вы очень хорошо все объяснили, но вы знаете, я ведь не кричал…»

14. Коридорчик

Они стоят перед прямоугольным жерлом коридора, черного, закопченного, и под ногами у них черная обугленная земля.

Писатель. Это что же — туда идти?
Сталкер. Да, к сожалению. Другого пути нет.

Он очень напряжен и несчастен.

Писатель. Как-то там… тускло, а, Профессор?

Профессор подавленно молчит.

Писатель. Ну, что, может, и здесь добровольцы найдутся? Профессор, вы там что-то говорили насчет логики чуда…
Сталкер. Не надо. Будете тащить жребий. Вы ведь предлагали тащить жребий?
Писатель. Здесь я бы предпочел какого-нибудь добровольца.

Сталкер достает спички, отвернувшись, что-то делает с ними, потом выставляет зажатые между пальцами две спичечные головки.

Сталкер. Пойдет длинная. Тащите, Писатель.

Писатель вытаскивает спичку.

Сталкер. Длинная. Сожалею.

Он отбрасывает оставшуюся спичку далеко в кучу мусора. Писатель несколько секунд смотрит на него, затем поворачивается к входу в коридор. Вглядывается, гоняя свою спичку из одного угла рта в другой.

Писатель. Вы бы хоть гайку туда бросили, проверили бы…

Сталкер. Да, конечно. Пожалуйста.

Он торопливо вытаскивает гайку, швыряет ее в черное жерло. Слышно, как она прыгает там по цементному полу.

Писатель. Ну?

Сталкер. Могу бросить еще одну. Хотите?

Писатель. Эх, начальник!

Он решительно шагает к входу в коридор, на ходу вытаскивая из кармана маленький пистолет. Сталкер прыжком нагоняет его и хватает за плечо.

Сталкер. Стойте! Что вы делаете?

Писатель. А что вы мне еще прикажете делать?

Сталкер. Отдайте.

Писатель. Какого черта?

Сталкер. В Зоне нельзя с оружием! Вы погибнете! Если у вас будет оружие, вы здесь не пройдете! Никогда, ни за что!

Писатель. А если не будет?

Сталкер. А если не будет — может быть… Я очень прошу вас — отдайте. Ну в кого вы там будете стрелять? В судьбу?

Писатель. И то верно…

Он отдает пистолет Сталкеру, тот брезгливо берет его двумя пальцами и осторожно кладет в сторонку.

Сталкер. Ну идите же, идите, пожалуйста.

Писатель засовывает руки в карманы и, ернически посвистывая, поминутно оборачиваясь и подмигивая остекленелым от ужаса глазом, входит в коридор.

Сталкер хватает Профессора за плечо и силой оттаскивает его в сторону с полосы обугленной земли. Замерев, они слушают стук, гул, лязг и прерывающееся посвистывание, доносящиеся из коридора. Потом оттуда раздается пронзительный скрип открываемой двери.

Сталкер. Скорее! За мной!

Он бросается в коридор, и Профессор, придерживая на носу очки, бежит следом.

15. Комната с телефоном

Насквозь пропыленная комната, заставленная старинным мебельным хламом. У входа на стене висит обросший пылью телефон. Профессор, стащив со спины рюкзак, тяжело опускается в отвратительно скрипящее ободранное кресло под телефоном. Писатель с руками в карманах, присев на край замызганного стола, усмехаясь, наблюдает за Сталкером, который всячески суетится вокруг него — достает из полуразвалившегося комода бутылку, стакан, тщательно все это протирает, откупоривает, наливает, предлагает…

Сталкер. Ах, как все хорошо получилось — просто чудо! Вы сядьте, сядьте поудобнее. Вон еще одно кресло. Ничего, все мы перенервничали, но теперь все позади… Выпейте, выпейте, пожалуйста, теперь можно… Прекрасный вы мой человек, как же я за вас рад! Сомневался, сомневался, каюсь, но вы такую проверку выдержали! Это же страшное место, самое страшное! У нас его зовут мясорубкой, но это хуже любой мясорубки! Сколько людей здесь погибло! И брат Дикобраза

здесь погиб, синеглазый поэт… Такой был милый мальчишка, кто бы мог подумать! А у нас так прекрасно все получилось! Это ведь не часто, ох как не часто бывает, чтобы все дошли и все вернулись…

Писатель пьет, глядит на него. Молчит, потом вдруг взрывается.

Писатель. Да что вы все юлите! Что вы суетитесь? Сядьте, смотреть на вас тошно!

Сталкер послушно садится в углу. Улыбается сконфуженно и заискивающе.

Писатель. Черт бы вас побрал с вашей болтовней! Рад он, видите ли, что все хорошо получилось! Я, видите ли, ему прекрасный человек! Вы думаете, я не видел, как вы мне две длинные спички подсунули? Судьба! Зона! А сам жульничает, как последняя дешевка…

Сталкер. Нет-нет! Вы не понимаете…

Писатель. Опять я не понимаю! Опять психологические бездны! (*Профессору.*) Вы меня извините, Профессор, я ничего плохого не хочу о вас сказать, но вот этот поганый гриб почему-то именно вас выбрал своим любимчиком, а меня, как существо второго сорта, сунул, видите ли, в

мясорубку! (*Сталкеру.*) Да какое вы имеете право, сморчок поганый, выбирать, кому жить и кому умереть?

Сталкер. Я ничего не выбираю, поверьте! Вы сами выбрали!

Писатель. Что я сам выбрал? Одну длинную спичку из двух длинных?

Сталкер. Спички — это пустяк, это результат! Вы сами выбрали еще там, в зале, когда отказались идти, когда требовали жребия, когда позволили идти Профессору!

Писатель. Ну, знаете!..

Сталкер. Я никакая не судьба, я только рука судьбы! Я никогда никого не выбираю, я всегда боюсь ошибиться. Вы не можете себе представить, как это страшно… Но кто-то же должен идти первым!

В этот момент гремит телефонный звонок. Все вздрагивают, испуганно глядят на телефон. Снова гремит звонок. Профессор и Писатель вопросительно смотрят на Сталкера. Тот явно не знает, что делать.

Профессор поднимается и берет трубку.

Профессор. Да!.. Нет, это не клиника. (*Он вешает трубку, медлит несколько секунд и вдруг*

снова берет трубку и набирает номер.)

Женский голос. Вас слушают.

Профессор. Девятую лабораторию, пожалуйста.

Женский голос. Одну минуту…

Мужской голос. Слушаю.

Профессор. Надеюсь, не помешал?

Мужской голос. Что тебе надо?

Профессор. Всего несколько слов. Вы спрятали, я нашел. Старое здание, четвертый бункер, справа под стеной. Ты меня слышишь?

Мужской голос. Я немедленно сообщаю в корпус безопасности.

Профессор. Можешь. Можешь сообщать, можешь писать на меня свои доносы, можешь натравливать на меня моих же сотрудников… Только поздно. Я уже здесь. Я уже в двух шагах. Ты меня слышишь?

Мужской голос. Ты понимаешь, что это конец тебе как ученому?

Профессор. Ну так радуйся!

Мужской голос. Ты понимаешь, что будет? Ты понимаешь, что произойдет, если ты осмелишься?

Профессор. Только не надо меня пугать. Я всю жизнь чего-то боялся. Я даже тебя боялся. Но сей-

час мне совсем не страшно! Уверяю тебя!

Мужской голос. Боже мой! Ты ведь даже не Герострат… Ты… Тебе просто всегда хотелось мне нагадить, и теперь ты в восторге от того, что это тебе наконец удалось… Да ты вспомни, черт тебя подери, с чего все началось! А сейчас ты думаешь только обо мне и о себе! А как же люди, о которых мы говорили? Как же миллионы и миллионы ничего не ведающих душ? Ладно, иди, иди! Совершай свою гнусность! Но я тебе все-таки напомню. Ты — убийца. Новые поколения придут за нами, и каждое будет тебя проклинать за то, что ты уничтожил их надежды. Сейчас тебе наплевать, сейчас ты на коне… Не смей вешать трубку! Тюрьма — не самое страшное, что тебя ожидает. Ты сам себе никогда не простишь, и я знаю… да я просто вижу, как ты висишь над тюремной парашей на собственных подтяжках!..

Профессор бросает трубку.

Писатель. Что это вы там такое затеяли, а, Профессор?

Профессор. А вы представляете себе, что будет, когда в эту комнату поверят все? И когда они все кинутся сюда… Ведь это только вопрос времени, не сегодня, так завтра… И не десятки — тысячи!

Все эти несостоявшиеся императоры, великие инквизиторы, фюреры всех мастей. Все эти благодетели рода человеческого! И не за деньгами они сюда кинутся, не за вдохновеньем — мир переделывать!.. По своему отвратительному образу и подобию!

Сталкер. (*торопливо*). Нет-нет! Я таких сюда не беру! Я же понимаю!

Профессор. Да что вы можете знать, смешной вы человек! Да и не один вы на свете сталкер! И не все сталкеры такие, как вы! И никто из сталкеров не знает, с чем сюда приходят и с чем отсюда уходят люди, которых они ведут… Вы же сами признались, что не знаете! А уровень мотивации преступлений падает! Из-за медяка могут зарезать человека! Может быть, это ваша работа? А военные перевороты, «гориллы» у власти, мафия в правительствах — может быть, это тоже ваши клиенты! Откуда вы можете это знать? Ослепляющие лазеры, чудовищные сверхбактерии, вся эта угрюмая мерзость, запрятанная пока в бронированных сейфах…

Писатель. Да прекратите вы эту социологическую истерику! Неужели вы сами способны поверить в эти сказки?

Профессор. В страшные сказки я верю! В доб-

рые — нет. А в страшные — сколько угодно!

Писатель. Бросьте, бросьте! Что такое фюрер, в конце концов? Это же всего-навсего несостоявшийся живописец, да еще импотент вдобавок… Неужели вы думаете, что, придя на террасу, он получил бы свое мировое господство? Чушь! Он получил бы прекрасную потенцию, ну и, может быть, умение малевать пейзажи лучше, чем у него получалось прежде… Не может быть у отдельного человека такой любви или такой ненависти, которые касались бы всего человечества! Хороший куш на бирже, женщина, ну месть какая-нибудь — начальника своего под машину загнать… Это еще туда-сюда, а власть над миром! Справедливое общество! Царство божие на земле! — это ведь не желания, это слова, идеология, лозунги…

Сталкер. Вот-вот! Правильно. Счастье — это очень личное. Не может быть счастья за счет несчастья других…

Писатель (*не слушая*). Вот я совершенно ясно вижу, что вы замыслили сокрушить человечество каким-то невообразимым благодеянием. Но я совершенно спокоен! Спокоен за вас, за себя и уж тем более за человечество. Ничего у вас не выйдет. Ну, в лучшем случае получите

вы свою нобелевку, а скорее всего, и нобелевки вам не будет, а будет вам что-нибудь совсем уж несообразное, о чем вы вроде бы и думать-то не думаете… Это же закон жизни! Мечтаешь об одном, а получаешь совсем-совсем другое.

Он замолкает, отдуваясь.

Сталкер. (*робко*). Может быть, пойдем на террраску? Скоро вечер, темно будет возвращаться…

Профессор. Да, пора кончать это дело.

16. Терраска

И вот они стоят в широком, как ворота, дверном проеме недалеко от края заросшей мхами терраски, а дальше за терраской — залитый вечерним солнцем зеленый пейзаж Зоны, и видна бетонная плита, у которой они топтались утром.

Профессор опускает к ногам рюкзак. Писатель делает несколько шагов к терраске, но Сталкер движением руки останавливает его.

Сталкер. (*мягко*). Одну минуточку, не надо так спешить.

Писатель. А я и не спешу никуда.

Сталкер. Да-да, спешить не надо. Позвольте мне сначала сказать вам несколько слов. (*Прокашливается в волнении.*) Друзья мои! Вы знаете, идти сюда нам было нелегко. Но мы все вели себя хорошо. Мы себя правильно вели. Именно поэтому мы благополучно миновали все опасности и теперь стоим на этом пороге. Я сделал для вас все, что я мог… все, что было в моих силах. Я очень рад за вас. Вы — добрые, честные, хорошие люди, и я бесконечно рад, что выбрал именно вас

и не ошибся в выборе. Теперь слово за вами. Я прошу вас помнить, что Зона выполнит только самое заветное ваше желание, самое искреннее, самое глубокое. Самое выстраданное. Поэтому отнеситесь к предстоящему со всей серьезностью. Не надо шутить, не надо быть грубым, вообще не надо ничего показного. Никакие слова вам не помогут. Вам ничего не надо говорить. Вам нужно просто сосредоточиться и вспоминать свою жизнь. Когда человек вспоминает свою жизнь, он становится добрее. Вам нужно быть очень добрыми сейчас. И тогда счастье, которое вы обретете, не станет источником несчастья для других. Вот и все, что я хотел вам сказать. А теперь — идите. Кто хочет первым? Вы?

Писатель. Я? Нет. Не хочу.

Сталкер. Понимаю. Это очень непросто. Но вы не беспокойтесь, это пройдет…

Писатель. Вряд ли это пройдет. Во-первых, если я стану вспоминать свою жизнь, вряд ли я стану добрее… А потом, разве вы не чувствуете, как все это срамно? Клянчить, вымаливать, сопли распускать, унижаться…

Сталкер. Ну, ведь это не надо делать сразу… Вы успокойтесь, это пройдет. Вы просто еще не готовы. Это бывает… довольно часто… (*Профессору.*)

Может быть, вы?

Профессор сидит на корточках и расшнуровывает рюкзак. Обнажается массивный металлический цилиндр.

Писатель. Господа! Перед вами новое гениальное изобретение! Прибор для измерения параметров чуда! Чудомер!

Профессор (*не поднимая головы*). Нет. Это атомная мина.

Пауза. *Сталкер ничего не понял. Писатель думает, что это шутка.*

Профессор. Двадцать килотонн.

Писатель (*глупо*). З-зачем?

Профессор. Теперь я уже и сам не знаю — зачем. Я могу объяснить, зачем мы ее собрали. Мы решили тогда, что Зона, если она попадет в дурные руки, способна принести человечеству неисчислимые беды. Это казалось таким очевидным… столько примеров… А потом их осенило, что Зона — это чудо и что чудо нельзя убивать, оно неповторимо. Я не согласился, и мы поссорились. Они ее спрятали от меня… в четвертом бункере котельной. Они думали, что я не найду. А я нашел. Здесь все очень просто: надо набрать

четыре цифры, и через сутки Зоны не станет…

Сталкер. (*в ужасе*). Вы… вы хотите…

Профессор. Ничего я не хочу. Ведь я же не идиот, не маньяк. Я же понимаю: нельзя совершать необратимые поступки. Чудо неповторимо. Мы ничего не успели узнать про Зону. Но я боюсь опоздать! Зона — это тоже бомба — и пострашнее всех существующих… Может быть, она взорвет этот мир, и я не знаю — когда…

Сталкер кидается к Профессору и вцепляется в мину. Профессор тоже вцепляется в мину, тогда Сталкер с визгом принимается неумело, по-бабски, его избивать, валит, царапает, пинает коленками. Профессор почти не сопротивляется. Набегает Писатель, отрывает Сталкера от Профессора, бьет его — расчетливо, профессионально, и после каждого удара Сталкер летит на землю, но каждый раз, как заведенный, вскакивает и слепо бросается к Профессору. В конце концов Писатель скручивает Сталкеру руки и приводит его в относительную неподвижность.

Писатель. Ишь ты, хорек вонючий… задело-таки тебя за живое… смиренная крыса… А ну, стой смирно!

Сталкер. (*всхлипывая*). Вы подумайте… Вы

подумайте… Почему вы меня?.. Он же хочет все это уничтожить… счастье, надежду… Он ведь и вашу надежду хочет уничтожить… Мне помогите! Мне!

Писатель отшвыривает его в угол. Сталкер оглушен. Он еле жив, но продолжает лихорадочно бормотать.

Сталкер. Ведь в этом мире у людей больше ничего не осталось… Только этот маленький родничок… Только сюда можно прийти, когда надеяться больше не на что… Неужели вы хотите этот родничок засыпать? С чем же человек тогда останется? С чем же вы тогда останетесь? Ведь вы же сами сюда пришли!..

Писатель. Молчи, лицемер! Перестань врать! Я же вижу тебя насквозь! Плевать ты хотел на человеческое счастье! Ты же себе бизнес сделал на наших надеждах! И не в деньгах даже дело… Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и бог, ты, мелкая лицемерная крыса, решаешь, кому здесь жить, а кому умереть… Ты выбираешь! Ты решаешь! Теперь я понимаю, почему ваш брат сталкер сам никогда не ходит на терраску… Вы такие глубины нечистых ваших душ здесь услаждаете властью, тайной, авторитетом, что у

вас больше и желаний не остается!..

Сталкер. (*исступленно*). Нет! Это неправда! Вы ошибаетесь! Не так все это, не так! Сталкеру нельзя ходить на терраску! Сталкеру вообще нельзя приходить в Зону с корыстной целью! Он погибнет! Вы вспомните Дикобраза! (*Поднимается на колени.*) Вы правы, я — маленький крысенок, я ничего не сделал в том мире и ничего не могу сделать… И счастья я не сумел дать даже жене и дочери… Друзей у меня нет и быть не может. Но моего вы у меня не отнимайте. У меня и так уже все отняли — там, в том мире. Все мое — здесь, в Зоне. Свобода моя — в Зоне, счастье мое — в Зоне… Ведь я привожу сюда людей таких же несчастных, как я, замученных, израненных. Они ни на что больше не надеются — только на Зону! А я могу! А я могу им помочь! У меня сердце кровью обливается, когда я на них смотрю, я от счастья плакать готов, что я им могу помочь! Весь этот огромный мир не может, а я — могу! Вот и вся моя жизнь. И я больше ничего не хочу. А когда придет мне пора умирать, я приползу сюда, на терраску, и последняя мысль моя будет — счастье для всех! Даром! Пусть никто не уйдет обиженным!

Писатель с кряхтеньем опускается на пол.

Писатель. Ну, извините… Ну, может быть… Просто я терпеть не могу смиренных всезнаек. Но все равно — глупо! Вы меня извините, но все, что вы сейчас говорили здесь, — глупо. Вы просто блаженный. Вы не понимаете и не хотите понимать, что здесь делается. Почему, по-вашему, повесился Дикобраз?

Сталкер. Он пришел в Зону с корыстной целью. Он загубил в мясорубке своего брата, чтобы получить богатство…

Писатель. Это я понимаю. Я вас спрашиваю — почему он повесился? Почему он не пришел на террасу снова и не выпросил у нее для брата новую жизнь?

Сталкер. Он хотел, он все время говорил об этом… Он даже пошел, но… Не знаю. Через несколько дней он повесился.

Писатель. Неужели вы не понимаете? Вы же сами нам сказали: только самые заветные желания, самые искренние, самые выстраданные… А Дикобраз — он и есть Дикобраз. Стоял он там на террасе на коленях, кричал до хрипоты: брата-де хочу вернуть единственного, жизнь свою вспоминал, все тщился сделаться добрее. Но он не был добрым, и выстраданные желания у него были Дикобразовы: власть, деньги, роскошь…

Вот вернулся он к себе в апартаменты, нашел там вместо брата еще один мешок с золотом и понял, что жить больше незачем, что он — дрянь, мерзость, дерьмо… Не-ет, туда нам ходить нельзя. Я понимаю: ходят, лезут, как мошки на огонь, но ведь это от глупости, от недостатка воображения! Я туда не пойду. Я за этот день здорово поумнел. А профессор, умный человек, он и вовсе не собирался… Зачем это мне надо? Что у меня выстрадано? Ненависть? Гадливость? Неприятие? Как я туда полезу со своей израненной душой? Ведь одно из двух. Либо душа моя хочет покоя, тишины, безмыслия, беспамятства, забвения — и тогда я вернусь идиотом, счастливым кретином, пускающим пузыри… Либо душа моя отмщения жаждет. И тогда мне страшно даже подумать, сколько судеб окажется на моей совести… Нет, дружище, паршиво вы в людях разбираетесь, если таких, как я, водите в Зону…

Наступает долгое молчание. Сталкер плачет.

Сталкер. Это жестоко… Это неправда… Я всю жизнь положил здесь… У меня ведь больше ничего нет… Зачем я теперь буду жить?.. Я ведь не ради денег сюда приводил… и шли они сюда не ради денег… как в церковь… как к богу… (*Профессору.*)

Профессор, скажите же что-нибудь ему! Почему вы молчите?

Профессор вздрагивает, словно очнувшись. Потом он начинает говорить, и пока он говорит, руки его как бы механически с натугой отвинчивают верхнюю часть цилиндра, приподнимают металлический колпак, обрывают тянущиеся провода и продолжают разбирать, рвать, ломать мину, разбрасывая деталь за деталью во все стороны.

Профессор. Я не знаю, что ему сказать. Я не знаю, прав он или нет. Наверное, прав. Наверное, сегодняшний человек действительно не умеет использовать Зону. Она попала к нам не вовремя, как и многое другое. Как самый роскошный телевизор в пещеру к неандертальцам. Он смотрит в огромный мертвый экран и ничего в нем не видит, кроме своей волосатой рожи… Не знаю, не знаю. Я знаю только одно. Все, что вокруг нас, и мы сами, и дела рук наших — все это не вечно. Все меняется. Все изменится. И, может быть, через века люди дорастут до Зоны и научатся извлекать из нее счастье, как научились извлекать энергию из каменного угля. Или произойдет такое потрясение на земном шаре, такая катастрофа, что у

нас не останется никаких надежд на спасение, кроме Зоны. Пусть мы еще не успеем научиться пользоваться ею, но у нас будет надежда. Человек может обойтись без всего. Но надежда у него должна быть всегда.

Долго и молча сидят они на пороге комнаты. Сумерки сгущаются. Становится все темнее и темнее. Наступает тьма.

17. Снова кафе

Они сидят за столиком в том же самом кафе, грязные, оборванные, заросшие. Они так устали, что говорят с трудом. Перед каждым кружка с остатками пива.

Писатель (*допив свою кружку*). Давайте еще по одной.

Профессор. У меня больше нет денег.

Писатель (*упавшим голосом*). И у меня нет…

Профессор. Вы же хвастались, что у вас везде кредит.

Писатель. Да! Везде! А в этой дыре — нет!

Сталкер шарит в кармане, высыпает на стол несколько мелких монет пополам с мусором, двигает монетки пальцем, пересчитывая.

Сталкер. Вот. На две кружки еще хватит. А на три — не хватает.

В кафе входит Жена Сталкера. Останавливается возле столика.

Жена (*Сталкеру*). Ну что ты здесь сидишь? Пошли.

Сталкер. Сейчас. Ты присядь. Присядь с нами, посиди немножко.

Она охотно присаживается, берет его руку и обводит взглядом Писателя и Профессора.

Жена. Вы знаете, мама была очень против. Вы теперь, наверное, поняли — он же блаженный. Над ним вся округа смеялась, а он растяпа был, жалкий такой. Мама говорила: «Это же сталкер, это же смертник, это же вечный арестант! А дети? Ты посмотри, какие дети у сталкеров!» И знаете, я даже не спорила! Я ведь и сама это понимала: и что смертник, и что арестант, и про детей тоже… А только что я могла сделать? Я была уверена, что мне с ним будет хорошо. Я была уверена, что лучше уж горькое счастье, чем серая, унылая жизнь… А может, я все это уже потом придумала… А тогда он просто подошел ко мне и сказал: «Пойдем!» И я пошла, и никогда потом не жалела. Никогда. Горя было много, страшно было, стыдно было, больно было… А только я никогда ни о чем не жалела и никогда никому не завидовала. Просто такая судьба, такая жизнь, такие мы. И если бы не было в нашей жизни горя, то лучше бы от этого не стало. Хуже стало бы, потому что тогда и счастья бы тоже не было, и не было бы надежды…

(*Сталкеру.*) Ну, пойдем, Мартышка там одна.

Они встают. Сталкер что-то силится сказать на прощанье. Губы его шевелятся, потом он неуклюже произносит: «Это вот мои друзья. А больше у нас пока ничего не получилось».

Они уходят. Писатель и Профессор смотрят им вслед.